

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Международный научно-практический журнал "Вестник МИРБИС" ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 3 (11) 2017 http://cs.journal-mirbis.ru/-/w9A0WivkbN-VBuqjuRf6jw/sv/document/0b/a3/aa/521295/188/3_2017_VM.pdf?1508940113

URL статьи: <http://cs.journal-mirbis.ru/-/NV7xKpwpXmouVPYRdPdL6Q/sv/document/5a/fc/63/521295/184/81-86.pdf?1508940113>

Статья опубликована: 20.10.2017

Ссылка для цитирования этой статьи: Мареев С. Н., Мареева Е. В. "Стоимость" или "ценность": идеологические основания дискуссии [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2017. №3(11). С. 81-86. – Библиогр.: с. 85 (8 назв.). – URL: <http://cs.journal-mirbis.ru/-/NV7xKpwpXmouVPYRdPdL6Q/sv/document/5a/fc/63/521295/184/81-86.pdf?1508940113> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 330.85

Сергей Мареев¹, Елена Мареева²

"СТОИМОСТЬ" ИЛИ "ЦЕННОСТЬ": ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУССИИ

Аннотация. В свете дискуссии с В. Чеховским о переводе Wert в первом томе «Капитала» Маркса авторы проводят параллель с обсуждением того же вопроса в России начала XX века. Анализируя взгляды П. Б. Струве, В. И. Ленина и социал-демократов, участвовавших в переводе «Капитала» в 1905-1907 гг., они показывают, что замена «стоимости» на «ценность» происходит там, где экономисты разворачиваются от марксизма к либерализму. В статье предлагается оригинальная трактовка точки зрения марксиста Э. В. Ильенкова по данному вопросу.

Ключевые слова: термин, понятие, термин Wert, "Капитал" Маркса, стоимость, ценность, трудовая теория стоимости, теория предельной полезности, политическая экономия, экономикс.

1 **Мареев Сергей Николаевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин. Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС». 109147, Российская Федерация, Москва, ул. Марксистская, дом 34, корп. 7. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

2 **Мареева Елена Валентиновна** – доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук. Московский государственный институт культуры. Российская Федерация, 141406, Центральный федеральный округ, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д.7.. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

В связи с дискуссией по поводу перевода Wert в первом томе "Капитала" Маркса, развернувшейся на страницах "Вестника МИРБИС", еще раз уточним свою позицию. Что бы ни доказывали в пользу объективности своих взглядов ее участники, включая в данном случае В. Чеховского, идеологический момент в спорах вокруг "стоимости" и "ценности" всегда присутствовал. Мы уже писали, что совсем не случайно наша отечественная экономическая наука в связи с известными социально-экономическими и политическими изменениями резко развернулась в сторону "экономикс" с ее теорией предельной полезности и, соответственно, с "ценностью" вместо "стоимости"

К. Маркс, и это нужно выделить особо, написал не просто "Капитал", полное название его работы "Капитал. Критика политической экономии" (Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie). Но парадокс советской экономической науки состоял в том, что "Капитал" был объявлен в ней трудом Маркса по политэкономии, содержащим при этом критический анализ капитализма. Так был ли "Капитал" отказом от классической политической экономии и в каком смысле? И затрагивает ли это смысл Wert у Маркса, вплоть до полного разрыва с тем, что имели в виду под стоимостью А. Смит и Д. Рикардо?

За якобы лингвистическим спором о том, какое содержание вкладывают в немецкое слово Wert, скрывается целый круг проблем, связанный с содержанием фундаментальных понятий классической английской политической экономии и

ее критикой у Маркса. Причем эти вопросы остро стояли перед русскими марксистами в начале XX века. Они же обрели актуальность у нас сегодня, когда на "Капитал" стали смотреть через призму современной "экономикс".

Как известно, в советской науке знали только "стоимость". Дискуссия с В. Чеховским развернулась в связи с переводом Wert как "ценность". Против этого выступили, в первую очередь, марксисты А. В. Бузгалин и Л. Л. Васина [1]. Все основные аргументы против "новации" Чеховского, казалось бы высказаны. Но, критикуя Чеховского, указанные авторы, так сказать, щадят "своих". Поветрие писать (и думать?) "ценность" вместо "стоимости" возникло с переходом к социально-экономической системе, которую теперь называют рыночной экономикой, хотя избегают при этом обсуждать содержание понятия "капитализм". И последнее понятно, поскольку иначе нужно разбираться в вопросе об эксплуататорской сущности капитализма. Но этого избегают даже социалисты. И тогда выходит, что им больше по душе "экономикс" с его теорией предельной полезности, чем "политическая экономия" с ее трудовой теорией стоимости. Вот и постоянный автор журнала "Альтернативы" Г. Д. Гловели в учебнике "История экономических учений" везде пишет о "ценности", а не о "стоимости" [4].

Замена "стоимости" на "ценность" связана с тем, что сегодня экономисты дружно развернулись от марксизма к либерализму. И здесь важно и показательно, что почти столет назад в аналогичной ситуации с критикой либерализма в

82 "Стоимость" или "ценность": идеологические основания дискуссии

трактровке стоимости как "ценности" выступил Владимир Ленин. Мы имеем в виду статью Ленина "Еще одно уничтожение социализма", опубликованную в марте 1914 г. Речь идет о П. Б. Струве, который в России стал автором так называемого "легального марксизма", хотя в 1914 году Ленин характеризует его уже как буржуазного либерала.

Стоит заметить, что в начале XX века капитализм в России утвердился и уже не нуждался в идеологической поддержке "легальных марксистов", которые оправдывали развитие капитализма в России тем, что, по Марксу, капитализм более прогрессивен, чем феодальный способ производства. Но народники по-прежнему считали, что социализм возможен на почве крестьянского общинного землевладения и сельскохозяйственного производства. Характеризуя эту ситуацию, Ленин пишет: "Теперь у нас "сразу" народилась куча либеральных и прогрессивных "марксоедов" вроде г. Туган-Барановского или г. Струве и т. п. Все они раскрыли действительное содержание и значение либерально-народнического "почтения" к Марксу: на словах почтение осталось, на деле исконное непонимание материалистической диалектики и теории классовой борьбы привело неизбежно к отречению и от теории трудовой стоимости" [6, С. 33-34].

Здесь важно то, что Ленин связывает отречение от Маркса с отречением от теории трудовой стоимости. Именно эта теория, по Ленину, краеугольный камень Марксовой экономической теории, его "Капитала", с которыми у него неразрывно связана и теория прибавочной стоимости, а значит и объяснение природы капиталистической эксплуатации. Тем самым, при замене "стоимости" на "ценность", что и проделал Струве при переводе "Капитала", мы имеем дело с искажением, привносимым теорией предельной полезности, через призму которой эксплуатация наемного труда капиталом становится совершенно невидимой.

Теория предельной полезности сводит "ценность" к "цене", а цена – довольно условная вещь: сколько хочу, столько и пишу на ценнике. Другое дело, дадут ли тебе такую цену. А этот вопрос упирается уже в объективную основу цены. Но этой основы, по теории предельной полезности фактически нет. И именно такой версии придерживался П. Струве. Ленин приводит такие выдержки из писаний Струве: "Ценность, как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, есть фантом". "Категория объективной ценности есть лишь, так сказать, метафизическое удвоение категории цены" [6, С. 45]. Как мы видим, понимание цены как денежного выражения стоимости А. Смитом и Д. Рикардо здесь отбрасывается. Стоимость, которая определяется трудом, и труда как объективной основы стоимости у Струве нет. Остается одна лишь психология: сколько хочу, столько и прошу. Но тогда и даю столько, сколько хочу. Но кто дает столько, сколько у него просят?

Покупателя-потребителя интересует качество и количество продукта, но не издержки его производства, и в том числе трудовые затраты, на его производство. Продавец-производитель, наоборот, хочет получить как минимум эквивалент издержек и, желательно, плюс к этому еще прибыль. Поэтому

теория полезности, или "ценности", является теорией покупателя и потребителя, а трудовая теория стоимости – это теория производителя и продавца. Теория предельной полезности адекватна идеологии потребительского общества. И здесь верна характеристика Н. И. Бухариным теории предельной полезности как "политической экономии рантье".

Связь "ценности" с теорией предельной полезности понимали, кстати, болгарские марксисты. "В свое время, – писал в конце 60 гг. XX в. известный академик Тодор Павлов, – Димитр Благоев, что переводя первый том "Капитала" Маркса, он использовал термин ценность для выражения немецкого понятия Wert, но он даже и не думал вкладывать в понятие ценностей то идеалистическое содержание, которое вкладывали в него последователи, скажем, теории предельной полезности, и в связи с чем мы вынуждены были заменить в новом издании "Капитала" термин ценность термином стоимость" [7, С. 64].

Производство стоимости в наши дни вообще исчезает из экономической науки. Современная либеральная экономическая теория поэтому не случайно в основном денежная экономическая теория. Все это потому, что в денежном обращении, абстрагирующемся от производства, исчезают категории издержек, производительного труда, рабочей силы, труда. Все это растворяется в общей денежной массе, которая пухнет и увеличивается непонятно из каких источников. И практические экономисты в борьбе с кризисными явлениями знают только две рекомендации: денежную массу ужать и наоборот – денежную массу увеличить путем включения печатного станка.

Употребление термина "ценность" вместо "стоимости" разводит экономическую теорию и экономическую практику. Обыкновенный гражданин, который ходит в магазин, оплачивает стоимость, обозначенную в виде цен на ценниках. И он соизмеряет эти цены со своей зарплатой, а не только с "ценностью" тех продуктов, которые он хотел бы купить. И часто только хотел бы. Лишь рантье с его дармовыми доходами может не обращать внимания на цену и интересоваться лишь "ценностью" предмета, который он хочет купить. Но и русский предприниматель или "бизнесмен", как теперь его принято называть, в своей практике говорит, и будет говорить, о стоимости, а не о "ценности". При этом серьезная экономическая теория ему вообще не нужна. Ему нужны менеджмент, маркетинг, логистика, бухгалтер и другие практические дисциплины. Поэтому экономическая теория как политическая экономия уже приказала долго жить.

Ценностью вещи обладают по отношению к индивидуальному человеку, ее стоимость проявляется только в отношении человека к человеку, в обмене. Потому она и меновая стоимость. Стоимость – это пропорция, в которой производится обмен. И в этом смысле стоимость – общественная категория, а не индивидуально-психологическая. Хотя ситуация здесь не так проста. Индивидуально психологический момент, то есть ценностный момент, все же присутствует и в меновом отношении, на что как раз и обратил внимание в свое время Эвальд Ильенков. "В переводах экономического терми-

на, – писал он, – у нас с некоторых пор прочно утвердился один – "стоимость". Этим достигается строгое выделение политико-экономического смысла термина, его отличие от морально-этического и т.п. аспекта слова "ценность".

Между тем, именно это обстоятельство и заставляет сделать вывод, что эта версия перевода семантически очень и очень невыгодна" [5, С. 451].

Чтобы понять "невыгодность" понятия "стоимость" надо вспомнить оценку политической экономии как "жесткой науки" английским историком и моралистом Томасом Карлейлем. Классическая политическая экономия не считается с человеческими чувствами и переживаниями по поводу покупки или продажи какой-то вещи. Человеку, скажем, хочется колбаски, а у него денег только на хлеб. И тут понятны человеческие переживания, с которыми никак не считается "стоимость" и ее денежное выражение – цена. И цена тоже "жесткая" вещь. Объективное содержание понятия стоимости резко расходится с содержанием понятия "ценность".

"Ни в одном из европейских языков, – замечает по этому поводу Ильенков, – на которых думал и писал Маркс, такого разведения "ценности" и "стоимости" нет, и русский перевод обрывает важнейшие смысловые связи, несомненно имеющиеся у Маркса" [5, С. 451]. Ильенков здесь называет, и дальше обсуждает, только одну смысловую связь. Эта связь заключается в следующем: передача Wert как "стоимости", пишет Ильенков, "сближает это понятие с понятием "цены", – "Preis". И действительно, когда мы спрашиваем: сколько это стоит, то нам называют цену. А цена – определенное количество денежных единиц. И получается, что стоимость и деньги – одно и то же.

Цена – цифры на бумаге, или на каком-то другом "носителе". Но что объективно стоит за этими цифрами, непонятно. Обывателю непонятно. Он не понимает объективного значения стоимости, которая выражается в цене. Он не видит стоимости, потому что ее и не видно: она в товаре только положена или представлена идеально, как, впрочем, и в золоте, и в любом предмете, выполняющем роль денег. И такая обывательская точка зрения переходит в экономическую науку, которая начинает трактовать стоимость как субъективную категорию. Такую экономическую науку Маркс называл вульгарной. То есть обыкновенной. А обыкновенное – то, что встречается в обыденной жизни.

К цене все вышесказанное действительно относится: сколько захотел, столько и запросил, о чем уже было сказано. Но если ты запросил тысячу долларов за один килограмм картошки, то любой покупатель в ответ повертит пальцем у виска. Значит, есть какие-то объективные ограничения цены: она ограничивается реальной стоимостью. И стоимость объективна, хотя и идеальна. Идеальна, потому что не вещь: нет такой вещи, которую можно увидеть и пощупать, и которая называется "стоимостью". Поэтому и говорят, что это только субъективное образование, которое существует только в "голове". Не в голове, как доказывал Ильенков, а в общественных отношениях, которые по отношению к каждому отдельному человеку так же объективны, как и деревья, кам-

ни, планеты, тайфуны и т.д. Экономический кризис, конечно, можно сравнить с природной катастрофой. Но с природными катастрофами люди в целом понимают, как бороться. А вот с экономическими кризисами – нет. И как раз потому, что они не в голове и не в природе, а в обществе, в общественном производстве.

Ильенкова опять же здесь волнует проблема идеального. И понятно, что если идеальное толкуется субъективно, что оно только "в голове", то невозможна объективная экономическая наука. А по сути невозможна любая наука. Ильенков стремится показать, что Маркс понимает стоимость объективно. "Она, – цитирует Ильенков Маркса, – существует в самих вещах, хотя и невидимо; она представлена через их равенство с золотом, через отношение к золоту, которое, так сказать, мерещится в их головах. Поэтому товаровладельцу приходится прирастить к их головам свой собственный язык или же навесить на них бумажные билетки, чтобы поведать миру их цены..." Ильенков ссылается в данном случае на оригинальное издание на немецком языке (Marx K. Das Kapital. Bd. I. S. 100).

Ильенков цитирует это место в собственном переводе с немецкого, потому что в русском переводе, как он считает, оно искажено. Выражение "в головах самих вещей", очевидно, показалось русским переводчикам странным. Даже очень ученым людям иногда изменяет чувство юмора, и образное "в головах самих вещей" они поняли, видимо, буквально. И поскольку голов у вещей нет, переводчики и решили, что Маркс имеет в виду человеческую голову. А в итоге выходит, что стоимость существует только в головах товаровладельцев, тем более, что цена как денежное выражение стоимости его товаров действительно существует только в его голове. Объективно, в действительном мире, она существует только в виде "бумажных билетиков", как выражается Маркс, то есть. в виде ценников, которые мы видим, заходя в любой магазин.

Ильенков, как мы видим, против отождествления цены и стоимости, а русское слово "стоимость" такое отождествление провоцирует, потому что по-русски "стоить" означает иметь цену. Но, с другой стороны, Ильенкову стоило бы опасаться и субъективизма, который связан с понятием "ценность". Здесь все не так однозначно, поскольку понятие "ценность", которое, как отмечает Ильенков, имеет морально-этический аспект, подталкивает нас в сторону психологизма, против которого он сам же возражал, выступая, в том числе, против психологизма у Д. М. Кейнса.

Именно о психологизме и субъективизме при переводе Wert как "ценности" у П. Струве идет речь в Предисловии к русскому переводу I–III томов "Капитала", осуществленному социал-демократами в 1905–1907 гг., где в редактировании второго тома принимал непосредственное участие Ленин. В нем в частности, мы читаем: "Дело идет лишь о наиболее целесообразной передаче Werth в данной специфической области, в политической экономии Маркса. Следовательно, вопрос ставится так: что более соответствует духу экономического учения Маркса, – психологическое истолкование Werth (Werth = "ценность", объект субъективной "оценки") или

84 "Стоимость" или "ценность": идеологические основания дискуссии

его объективное истолкование (Werth = "стоимость", результат определенных затрат) [8, VI]. Здесь справедливо подчеркнута, что речь идет о целесообразности использования понятия стоимости в специфической политэкономической области. Другое дело, если бы речь шла о переводе того же Wert в теории ценностей у Макса Шелера. У Шелера, конечно, речь идет о ценностях. И никаких проблем с переводом здесь не возникает.

Надо сказать, что термин "ценность" в конце XIX и начале XX вв. стали использовать в России и в официальной экономической науке. В этом смысле, как и сегодня, она стремилась дистанцироваться от трудовой теории стоимости Маркса. Именно это мы встречаем у С. Ю. Витте в лекциях, которые он читал Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 гг. Вот как рассуждает Витте: "Блага, служащие для удовлетворения человеческих потребностей, или даются природою в готовом виде, в таких формах и количествах, что человек не встречает никаких препятствий к удовлетворению ими своих потребностей, или для получения их, вообще или в требуемом количестве, необходимо побороть известные трудности, затратить известные усилия, чтобы изменить форму предмета, его химический состав, переменить место его нахождения, соединить несколько предметов в одно целое и т. п. Во всех этих случаях с благом неразрывно связывается представление о трудности его приобретения, и это представление придает благу новое свойство, называемое ценностью. Раз человек сознал полезность вещи, силы или услуги и трудность ее приобретения, эта вещь, сила или услуга стала в глазах его ценностью" [3, С. 145].

Витте здесь почему-то избегает понятия труд, что упростило бы изложение сути дела. Он не говорит прямо, что "ценность" есть результат человеческого труда. Но утверждает это в косвенной форме. А то, что дано природою, согласно Витте, "ценности" не имеет. Но здесь тоже не все так просто. Здесь перед нами проблема, с которой столкнулся еще Давид Рикардо. Здесь стоит опять привести пример Рикардо насчет мореного дуба, редких вин и произведений искусства. Дело в том, что, к примеру, мореный дуб стоит дороже, чем простой дуб, срубленный в лесу. Но то, что дуб "заморился", лежа где-нибудь в болоте, есть результат "работы" природы, а платят за него больше, чем за обыкновенный дуб. Платят больше, значит и стоит он дороже. Так чей же труд в данном случае оплачен?

Дело в том, что в ситуации с мореным дубом платят больше, потому что он эстетически более ценен. Но если вместо "стоимости" здесь сказать "ценность", то получается, что ценность определяется ценностью. Выходит какая-то тавтология. Однако если сказать, что меновая ценность определяется потребительной ценностью, то это уже не тавтология. И на деле так и есть. Ведь когда платят за картину, то оплачивают не труд художника, а платят за эстетическую и общественную ценность картины. Как известно в 2010 году картина Энди Уорхола "Большая банка супа Кэмпбелл с открывашкой", сделанная по фотографии, была продана за 23,9 миллиона долларов, и как раз потому, что это "творение" признано ве-

личайшей художественной ценностью. Как же такое происходит? Рикардо не смог разрешить "парадокса" с мореным дубом, в подробностях разрешения его Марксом здесь разбираться нет возможности. Но главное, что Витте, в отличие от Рикардо, проблемы здесь вообще не видит.

Витте вводит понятие меновой ценности следующим образом: "Все вообще вещи и услуги, признанные ценностями, имеют общие свойства, состоящие в их полезности и трудности приобретения, но в то же время они служат для различных потребностей. Отсюда возникает способность их обмениваться друг на друга, и, таким образом, каждая ценность становится или может стать ценностью меновой" [3, С. 145]. Выходит примерно так. Если я сшил себе штаны, то они для меня представляют "ценность". Если же я их обмениваю, скажем, на бутылку водки, то они становятся "меновою ценностью". И тут одна нелепость накладывается на другую. Во-первых, не штаны становятся "меновою ценностью", а меновая "ценность" - это пропорция, в которой обмениваются штаны на водку. Ведь за штаны вы можете получить не просто водку, а определенное количество водки - четвертинку, поллитра, ведро и т. д. Во-вторых, обмениваются вещи не потому, что они удовлетворяют разные потребности, а потому, что эти вещи производятся разными людьми. Если один и тот же человек производит для себя, для своих разных потребностей, и штаны, и водку, то никакого менового отношения не может возникнуть, и штаны не станут "меновою ценностью", а будут цениться только потому, что они хорошо скроены и хорошо сидят на их "носителе".

Витте, правда, дальше говорит о пропорции, в которой обмениваются "хозяйственные блага". Но эта пропорция выражается не меновой ценностью, а ценой: "Количественное выражение ценности, т. е. обозначение одной ценности посредством известного количества какой-либо другой ценности, называется ценой; а так как все ценности получают свое общепринятое выражение в известном количестве денег, то выражение "цена" употребляется преимущественно в смысле денежной цены" [3, С. 145]. Таким образом стоимость или меновая ценность, в данном случае неважно, редуцирована у Витте к цене. А цены определяются, как он говорит, "действием закона спроса и предложения" [3, С. 146].

И Витте как будто бы не видит, что цена - это только "голова", которую товаровладелец приделывает своему товару, чтобы тот выразил свою стоимость.

В случае с экономическими воззрениями Витте перед нами как раз тот наглядный пример, когда ценность легко превращается в цену. А цена - определенное количество денег. И по этой логике вся экономика сводится к деньгам, как это и произошло в особенности в наше время. Причем это не только логика ученых-экономистов. Такова объективная логика дела в самой экономической системе, где финансы диктуют производству. А денежная экономика становится весьма практичной, но при этом и апологетической.

Струве, понятно, не дождался до этих современных метаморфоз. Но в его время, вопреки мнению того же Струве, который считал, что русское "стоимость" употребляется только в офици-

альной экономической науке, ситуация была иной. Витте как представитель официальной экономической науки (кто бы подпустил к великому князю ученого-маргинала, тем более с марксистскими взглядами) использует именно "ценность". Так было в период угасания Российской Империи. Так произошло и перед гибелью Советского Союза, когда экономисты стали отпочковываться от Маркса к англо-американскому "экономикс" с его "ценностями" и теорией предельной полезности вместо трудовой теории стоимости. Не наука управляет идеологией, а наука формируется под соответствующую идеологию, чему свидетельство и ход нашей дискуссии.

Обратим внимание на замечание Л. Васиной по поводу "Предисловия редактора и переводчика", написанного В. Чеховским к его переводу первого тома "Капитала": «На мой взгляд, текст предлагаемого Предисловия излишне политизирован, а сведение всех сложностей перевода "Капитала" только к выбору между двумя терминами достаточно проблематично» [2, С. 123]. Так история с переводом "Капитала" В. Чеховским еще раз подтверждает противоречивое состояние экономической науки сегодня и нетривиальность вопроса об ее объективности в целом.

Литература

1. Бузгалин А. В., Васина Л. Л. Претенциозная игра в новации (о неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов "Капитала") // Альтернативы, 2016, № 3, С. 155-167.
2. Васина Л. Л. «Ценность» versus «стоимость» / Альтернативы, 2015, № 2 (87). С. 122–154.
3. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 годах СПб.: Типография акционерного общества Брокгауза-Ефрона, 1912. 588 с.
4. Гловели Г. Д. История экономических учений. Углубленный курс. Учебное пособие. 2-е издание. М.: Юрайт, 2013. 777 с.
5. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 468 с.
6. Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма / Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. Издание 5. Т. 25.
7. Ленинская теория отражения и современность. София: Наука и искусство, 1969, 715 с.
8. Предисловие к русскому переводу I–III томов «Капитала» // К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Полный пер. с 5-го, провер. Ф. Энгельсом, нем. изд. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Общая ред. А. Богданова. Москва: Московское книгоиздательство, 1909. С. III–XII.

"COST" OR "VALUE": IDEOLOGICAL GROUNDS FOR DISCUSSION

Abstract. In the light of the discussion with V. Chekhovsky on the translation of Wert in the first volume of "Capital" of Marx, the authors draw a parallel with the discussion of the same issue in Russia at the beginning of the twentieth century. Analyzing the views of P. Struve, V. Lenin and the Social Democrats who participated in the translation of Capital in 1905-07, they show that the replacement of "cost" with "value" occurs where economists unfold from Marxism to liberalism. The article proposes an original interpretation of the point of view of the Marxist E. V. Ilyenkov on this issue.

Key words: term, concept, term Wert, "Capital" of Marx, value, value, labor theory of value, theory of marginal utility, political economy, economics.

1 **Mareev Sergey N.** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of general education disciplines. Moscow International Higher Business School "MIRBIS". 109147, Russian Federation, Moscow, ul. Marxistskaya, 34/ 7. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

2 **Mareeva Elena V.** – Doctor of Philosophy, professor of social and philosophical sciences. Moscow State Institute of Culture. ul. Libraries, 7, Khimki, Central Federal District, Moscow Region, Moscow, Russian Federation, 141406. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

References

1. Buzgalin A.V., Vasina L.L. A pretentious game in novation (about the failed attempt at a new translation of some terms of "Capital") // *Alternativy*, 2016, No. 3, P. 155-167.
2. Vasina L.L. "Value" versus "value" // *Alternativy*, 2015, No. 2 (87). Pp. 122-154.
3. Witte S.Yu. The lecture notes on the national and state economy read to his Imperial Highness the Grand Duke Mikhail Alexandrovich in 1900-1902. SPb.: *Tipografiya akcionernogo obshchestva Brokgauza-Efrona*, 1912. 588 p.
4. Gloveli G.D. History of economic doctrines. Advanced course. Tutorial. 2nd edition. M.: *Yurayt*, 2013. 777 p.
5. Ilyenkov E.V. Dialectics of the abstract and concrete in scientific and theoretical thinking. Moscow: *ROSSPEN*, 1997. 468 p.
6. Lenin V.I. Another Destruction of Socialism / Lenin VI Complete Works in 55 volumes. Vol. 5. T. 25.
7. Lenin's theory of reflection and modernity. Sofia: *Nauka i izkustvo*, 1969, 715 p.
8. Preface to the Russian translation of I-III volumes of "Capital" // K. Marx. Capital. Criticism of political economy. T. 1. Full trans. from the 5th, ver. F. Engels, German. ed. Ed. V. Bazarov and I. Stepanova. General ed. A. Bogdanova. Moscow: *Moskovskoe knigoizdatelstvo*, 1909. S. III-XII.

